

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына¹⁾.

Г л а в а III.

Служба въ Ладожскомъ пѣхотномъ полку.

Но окончаніи курса я былъ назначенъ баталіоннымъ врачомъ въ Ладожскій пѣхотный полкъ.

При назначеніи на мѣсто съ нами сыграли маленькую комедію. Президентъ Академіи Пеликанъ, бывшій въ то время директоромъ медицинскаго департамента, объяснилъ намъ, что онъ пришлетъ списокъ вакантныхъ мѣстъ, по которому мы сами можемъ выбрать себѣ любое изъ нихъ. Дѣйствительно, въ одинъ прекрасный вечеръ явился въ академію секретарь департамента, д-ръ Круберъ, со спискомъ, и насъ пригласили въ академическую столовую.

При этомъ Круберъ объявилъ намъ, что уроженцы Западнаго края, римско-католическаго вѣроисповѣданія, не могутъ служить въ войскахъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ и въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской и Подольской, а только въ Россіи и на Кавказѣ; русскимъ же предоставляется служить, гдѣ угодно. Всѣхъ свободныхъ вакансій было 420, и всего больше на западной границѣ, такъ что, волей-неволей, мы должны были взять мѣста въ войскахъ, тамъ расположенныхъ, а католики—въ Крыму и на Кавказѣ. Это было первое ограниченіе свободнаго выбора, какъ будто оправдываемое политическими соображеніями, но были и другія ограниченія, по причинамъ, повидимому, не имѣвшимъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

никакого отношенія къ политикѣ. Напр., въ списокѣ стояло вакантное мѣсто младшаго врача въ Варшавскомъ артиллерійскомъ дѣловомъ дворѣ. Я всегда стремился на западъ, и жизнь въ Варшавѣ мнѣ очень улыбалась въ виду удобствъ для дальнѣйшаго образованія.

Я было записался на это мѣсто, но Круберъ, увидавъ это, посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой и сказалъ: „Это мѣсто не для васъ; вотъ послужите лѣтъ 5—6 въ какомъ-нибудь полку, накопите сотенокъ 5 денегъ, пріѣзжайте въ Петербургъ, и тогда, быть можетъ, мы дадимъ его вамъ“. Признаюсь, я не вдругъ понялъ смыслъ этихъ словъ; значеніе ихъ пояснилъ мнѣ на другой день одинъ изъ старыхъ врачей. „Очень ты юнъ, коллега“, сказалъ онъ мнѣ,—„нужно послужить и дать имъ взятку, тогда и получишь это мѣсто“. Впослѣдствіи я узналъ, что мѣсто это получилъ племянникъ митрополита Филарета изъ Московскаго университета. Значить—или взятка, или протекція.

А такъ какъ всѣ остальные мѣста были для меня безразличны, то я и выбралъ себѣ наугадъ Ладожскій пѣхотный полкъ, состоявшій въ 4-й дивизіи. Можно было, пожалуй, взять мѣсто на Кавказѣ и даже это было бы очень выгодно въ денежномъ отношеніи, такъ какъ ѣдущимъ туда, сверхъ двойныхъ прогоновъ, выдавалось около 500 руб. подъемныхъ денегъ, но востокъ и Азія меня всегда какъ-то пугали. Меня всегда тянуло на Западъ, поближе къ Европѣ.

Пріѣхавъ въ Варшаву, я узналъ, что полкъ уже выступилъ въ походъ въ Крымъ, и догналъ его въ Красноставѣ, хорошенькомъ городкѣ Люблинской губ., и съ этого времени начался для меня новый періодъ жизни: я дѣлался дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ членомъ общества, которому и служилъ потомъ, пока былъ въ силахъ. Вступивъ въ новый, незнакомый мнѣ, военный міръ, я, конечно, невольно прежде всего занялся его изученіемъ. Въ немъ было много своеобразнаго, пожалуй, дикаго, но были и хорошія стороны, какъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Офицеровъ въ полку было болѣе сорока человѣкъ. Степень ихъ развитія была неодинакова. Высшую степень представляли офицеры, вышедшіе изъ кадетскихъ корпусовъ. Хотя они и носили на себѣ явный отпечатокъ корпуснаго образованія и не имѣли ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о правильныхъ гражданскихъ отношеніяхъ къ обществу и отдельнымъ его членамъ, считая себя представителями высшаго и господствующаго въ государствѣ сословія, интересамъ котораго должны

служить остальные, все-таки, по степени развитія, ихъ можно было сравнить съ лицами, окончившими среднее гимназическое образованіе того времени. Многіе изъ нихъ были довольно начитаны, любили русскую литературу, и даже нѣкоторые увлекались „вольнo-любивыми мечтами“ Пушкина. Въ нихъ не было полного безпрекословнаго уваженія къ установившимся воззрѣніямъ и мнѣніямъ начальства: часто они относились къ нимъ критически. Но при всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, они стояли не выше общаго военнаго уровня. Объ этомъ я скажу потомъ.

Нѣсколько выше ихъ стояли 2 или 3 случайныхъ выходца изъ университета, по волѣ злой судьбы попавшіе въ военную службу. Двое изъ нихъ долго служили солдатами на Кавказѣ, гдѣ, конечно, растеряли много хорошаго изъ того, что привилъ имъ университетъ. Конечно, они сами сознавали это, что вело ихъ къ внутреннему разладу и недовольству, которое они нерѣдко старались заглушить при помощи возліяній Бахусу.

Ниже ихъ стояли офицеры, произведенные изъ юнкеровъ, которыхъ была большая часть. У этихъ послѣднихъ не было почти никакихъ гражданскихъ идеаловъ. Они принимали всецѣло безъ всякой критики узкія понятія военной среды; многіе изъ нихъ были хорошими служаками и безпрекословными исполнителями приказаній начальства, но, не имѣя въ себѣ никакихъ нравственныхъ интересовъ, мало что читая, они свободное отъ службы время, большею частью, картежничали, часто кутили, при чемъ иногда безчинствовали или предавались мелкому разврату. Библіотекъ тогда въ полкахъ не было, а потому и не было никакихъ нравственныхъ развлеченій. Зимой, когда полкъ располагался по деревнямъ, тоска и однообразіе этой жизни, особенно при отсутствіи женскаго общества, еще болѣе усиливали всѣ эти дурныя наклонности.

Были случаи, что молодые люди прямо спивались и дѣлались запойными пьяницами. Недостаточность матеріальныхъ средствъ лишала ихъ возможности являться въ порядочное общество, тѣмъ болѣе, что сосѣдніе помѣщики, большею частью, поляки, неохотно сближались съ ними, не столько въ силу какой-либо политической или національной розни, сколько по причинѣ невѣжественности военныхъ.

Большинство офицеровъ были люди добродушные и вовсе не злые, но, подъ вліяніемъ традиціонныхъ воззрѣній своей среды, они съ какимъ-то презрѣніемъ относились къ людямъ, стоявшимъ ниже ихъ въ общественномъ положеніи: безъ зазрѣнія совѣсти били солдатъ и издѣвались надъ евреями. Тѣлесное наказаніе въ войскахъ тогда еще не было упразднено, хотя традиціонная тысяча

шищрутоновъ была замѣнена негласно сотней. Розга же и ручная расправа царствовали неограниченно: солдатъ пороли на ученияхъ за каждую ошибку, пороли и дома при всякомъ его промахѣ. Одинъ баталіонный командиръ во время ученія постоянно напѣвалъ: „Кому зубъ, кому два, кому челюсть пополамъ“. Всего хуже было положеніе денщиковъ, находившихся въ полномъ безотвѣтственномъ распоряженіи офицеровъ. Били ихъ за плохо вычищенные сапоги, или сюртукъ, за неудавшуюся котлету (денщикъ въ то же время былъ и поварь), били и такъ, чтобы сорвать на нихъ досаду за какую-нибудь неудачу: за распеканцію баталіоннаго командира, или за неудачное волокитство за какой-нибудь „чернобривой“ Оксаной, или Ганкой. Все это считалось необходимой принадлежностью тогдашней военной дисциплины. Естественно, что такое постоянное, хроническое неуваженіе къ человѣческому достоинству вело къ тому, что денщики дѣлались заклятыми пьяницами или мелкими ворюжками. Никому не приходило въ голову, что солдата можно выучить безъ розогъ и зуботычинъ и что, при добромъ человѣчномъ отношеніи къ тѣмъ же денщикамъ, послѣдніе были бы болѣе исправны и не дѣлались ни ворами, ни пьяницами. И, странное дѣло, сами денщики до такой степени падали нравственно и теряли сознание своего человѣческаго достоинства, что уже не возмущались своимъ ужаснымъ положеніемъ, какъ будто такъ и должно быть. Мнѣ разъ пришлось прожить недѣли 2 съ однимъ офицеромъ, во многихъ отношеніяхъ очень порядочнымъ и занимавшимъ мѣсто полковаго казначея. Онъ билъ своего денщика по нѣскольку разъ въ день, иногда даже безъ всякой причины, отчего этотъ несчастный пришелъ въ состояніе какого-то хроническаго отупѣнья. Я нѣсколько разъ говорилъ съ офицеромъ о всей жестокости его обращенія къ денщику и постоянно получалъ въ отвѣтъ, что съ этимъ „скотомъ“ нельзя поступать иначе. Улучивъ какъ-то удобную минуту, чтобы поговорить съ денщикомъ наединѣ, я предложилъ ему рассказать обо всемъ полковому командиру и просить о перечисленіи его куда-нибудь на другой родъ службы, но „многострадальный“ Леонъ (такъ звали денщика) отнесся къ моему предложенію съ какимъ-то ужасомъ, считая всякую жалобу на начальство чуть-ли не преступленіемъ: „на то“,— дескать, „воля барская“, а его дѣло служить. Впрочемъ, изъ его словъ я понялъ, что онъ считаетъ жалобы напрасными, такъ какъ, по его мнѣнію, на новомъ мѣстѣ ему будутъ мстить за нихъ, и онъ чуть не со слезами на глазахъ просилъ меня не говорить о немъ полковому командиру, а чтобы заглушить въ себѣ недовольство своимъ положеніемъ, по нѣскольку разъ въ день прикладывался къ водочкѣ,

которая всегда была въ изобиліи у казначея, отчего былъ въ какой-то постоянной полудремотѣ.

Положеніе строевыхъ солдатъ въ этомъ отношеніи было нѣсколько лучше, потому что они не были въ такихъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ офицерами, какъ денщики.

Кормили солдатъ очень неважно: зимой во время стоянки по деревнямъ они ѣли съ хозяевами, за что должны были отдавать послѣднимъ свой хлѣбный паекъ, который, впрочемъ, не доходилъ цѣлостью до самого солдата: около половины его оставалось въ рукахъ ротнаго командира и фельдфебеля. Лѣтомъ, во время учебныхъ сборовъ, ихъ кормили изъ общаго котла, но пища эта не всегда была удовлетворительна, такъ какъ часть приварочныхъ денегъ тоже шла въ экономію ротнаго командира.

Лѣтомъ, во время сборовъ, солдатъ обучали фронтовой выправкѣ, состоявшей, главнымъ образомъ, въ искусствѣ ходить при маршировкѣ не по-человѣчески, а какъ-то, вытягивая неестественнымъ образомъ носокъ ноги, все же тѣло приводя въ такое положеніе, какъ будто сквозь него сверху до низу продѣта палка; учили какимъ-то построеніямъ, а на самое главное—на стрѣльбу обращали очень мало вниманія, да и ружья были плохія, передѣланныя изъ старыхъ,—кремневыхъ. Зимой, на широкихъ квартирахъ, не учили почти ничему. Изрѣдка кто-нибудь изъ ротныхъ командировъ выучить чел. 10 изъ своей роты грамотѣ, т. е. умѣнію читать и писать. Ни о какомъ умственномъ развитіи солдатъ не думали, внушая имъ одно только правило безпрекословнаго, безсознательнаго повиновенія начальству.

И съ такими-то, плохо выученными и плохо вооруженными, солдатами мы стояли въ Крымскую войну противъ Европейской коалиціи.

На образованіе и развитіе офицеровъ также не обращалось никакого вниманія, но, при всей своей малоразвитости, они считали себя выше другихъ сословій. Съ презрѣніемъ смотрѣли они на чиновничество и вообще на штатскихъ, не говоря уже о крестьянахъ. Побить мужика, мелкаго торговца и даже мелкаго чиновника считалось тогда молодечествомъ; всякая же попытка со стороны обиженныхъ дать въ подобныхъ случаяхъ отпоръ офицерамъ считалась оскорбленіемъ чести мундира, и начальство почти всегда принимало сторону офицеровъ. Всего отвратительнѣе было отношеніе офицерства къ евреямъ, которыми такъ переполненъ Западный край: всякое издѣвательство надъ несчастнымъ „жидомъ“ считалось дозволеннымъ и служило только темою для разсказовъ во время

кутежей. У нихъ постоянно занимали деньги, конечно, за большіе проценты, но при расчетѣ дѣло кончалось, большею частью, выталкиваніемъ кредитора въ шею, а иногда и прямо побоями. И все это сходило офицерамъ безнаказанно: развѣ ужъ какое-нибудь грандіозное побоище обратить на себя вниманіе начальства, которое сажало офицеровъ на 2 или 3 дня на гауптвахту, да въ рѣдкихъ случаяхъ заставляло ихъ дать какое-нибудь вознагражденіе за убытки, причиненные ихъ буйствомъ. Жаловаться было некому, ибо офицерство не подчинялось никакому суду, кромѣ военнаго; общественныхъ же протестовъ никакихъ не было, да и быть не могло, ибо тогда и общества никакого не было. У насъ, на примѣръ, былъ въ полку такой случай. Во время одной попойки, одному изъ ея участниковъ пришла фантазія прокатиться верхомъ на „жидахъ“. Дѣло было въ маленькомъ городкѣ Юго-Западнаго края. Отыскали двухъ какихъ-то несчастныхъ евреевъ, приказали имъ встать другъ противъ друга и взяться за руки. Тогда офицеръ, изъявившій такія кавалерійскія намѣренія, сѣлъ верхомъ на руки евреямъ, остальные окружили его со всѣхъ сторонъ и открыли процессію по городскимъ улицамъ. Къ несчастью офицеровъ въ это время проѣзжалъ черезъ городъ начальникъ дивизіи, человѣкъ очень строгій. Увидавъ эту безобразную сцену, онъ сейчасъ приказалъ арестовать офицеровъ, продержать ихъ нѣсколько дней на гауптвахтѣ и заплатить евреямъ за безчестіе, сколько они потребуютъ. Эти послѣдніе запросили сначала 30 рублей, но, когда имъ негласно пригрозили, что за такое чрезмѣрное требованіе имъ впоследствии отомстятъ, они помирились на 10 р., и дѣло этимъ и закончилось. Въ городскомъ обществѣ, состоявшемъ, большею частью, изъ поляковъ, поговорили объ этомъ втихомолку нѣсколько вечеровъ, но ни одинъ изъ вліятельныхъ обывателей города не поднялъ своего голоса въ защиту несчастныхъ униженныхъ евреевъ. Такъ велика была тогда подавленность гражданскаго общества.

Полковой командиръ Галкинъ, человѣкъ порядочный и довольно начитанный, старался, по возможности, укрощать подобные подвиги офицеровъ, но строго за нихъ не преслѣдовалъ, отчасти по своей добротѣ, а отчасти и вслѣдствіе круговой поруки между нимъ и офицерами по части „безгрѣшныхъ доходовъ“, и чтобы не выносить, по пословицѣ, сору изъ избы.

Къ выходкамъ же офицеровъ съ евреями онъ относился какъ-то съ юмористической стороны. Онъ любилъ пофилософствовать и полиберальничать, чтобы показать, что и онъ не отсталъ отъ вѣка, впрочемъ изрѣдка и самъ прибѣгалъ къ рукопашной расправѣ. Въ

заслугу ему слѣдуетъ поставить то, что онъ не скупился на расходы по содержанію больныхъ: покупалъ на свой счетъ много лѣкарствъ, такъ какъ отъ казны ихъ отпускалось очень мало. Вообще же онъ умѣлъ ладить съ офицерами и съ гражданскимъ обществомъ, такъ что всѣ его любили. Командуя полкомъ около 10 лѣтъ, онъ изъ благоразумной экономіи накопилъ порядочный капиталецъ и вышелъ въ отставку генераломъ.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

